

О некоторых проблемах оценки источника в истории политических и правовых учений: конкуренция различных подходов¹

Аннотация. Статья посвящена малоисследованной проблеме, а именно оценке источника в истории политических и правовых учений в контексте конкуренции различных подходов. Под источниками в настоящей статье подразумеваются различные формы теоретического знания: взгляды, учения, теории, концепции, идеи, школы, направления и течения. Иными словами, рассматриваются те виды источников, в которых мыслители различных эпох и направлений пытаются отобразить сущность государственно-правовых явлений. И прежде всего государства и права, других, тесно связанных с ними институтов, таких как власть, собственность, демократия, законность и пр. Одна из основных идей статьи заключается в обосновании того, что история учений есть прежде всего эволюция борьбы между ними. Причем противостояние идей наблюдается фактически с самого зарождения политической и правовой мысли. Высвечивается проблема объективной оценки учений, поскольку существует множество факторов, которые препятствуют этому. В этой связи рассматриваются временные (хронологические), методологические, мировоззренческие, политические, собственно научные, идеологические и другие обстоятельства, включая индивидуальные предпочтения. За основу оценки берется основная форма теоретического политико-правового знания — учение и его структура. Именно структурные элементы политического учения подвергаются оценке исследователями идей, которые сами не всегда свободны в своей экспертной деятельности. Этот аспект также получил отражение в статье.

Автор резюмирует: поскольку история идей есть история борьбы, то конкуренция в их оценке неизбежна. Можно придерживаться различных философских взглядов, однако невозможно пренебрегать научной состоятельностью того учения, которое подлежит оценке. Вместе с тем данная проблема касается не учения, подвергающегося оценке, а личности оценивающего учения, сформированные порой величайшими мыслителями.

Ключевые слова: государство; история; конкуренция; оценка; право; политика; учение; источник; оценка.

Для цитирования: Корнев А. В. О некоторых проблемах оценки источника в истории политических и правовых учений: конкуренция различных подходов // Lex russica. — 2021. — Т. 74. — № 6. — С. 154–162. — DOI: 10.17803/1729-5920.2021.175.6.154-162.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00779.

© Корнев А. В., 2021

* Корнев Аркадий Владимирович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993

avkornev@msal.ru

On Some Issues of Source Assessment in the History of Political and Legal Doctrines: Competition of Different Approaches²

Arkadiy V. Kornev, Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Theory of State and Law,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
avkornev@msal.ru

Abstract. The paper is devoted to a little-studied problem, namely, source assessment in the history of political and legal doctrines from the perspective of the competition of different approaches. In this paper, sources refer to various forms of theoretical knowledge: views, doctrines, theories, concepts, ideas, schools, trends and approaches. In other words, we consider the types of sources in which thinkers of different eras and trends try to reflect the essence of state legal phenomena, primarily, the state and law, and other closely related institutions, such as power, property, democracy, the rule of law, etc. One of the main ideas of the paper is to justify the fact that the history of doctrines is primarily the evolution of the struggle between them. Moreover, the opposition of ideas is actually observed from the very beginning of political and legal thought. The problem of an objective assessment of the doctrines is highlighted, since there are many factors that prevent this. In this regard, we consider the time (chronological), methodological, ideological, political, scientific, ideological and other circumstances, including individual preferences. The assessment is based on the main form of theoretical political and legal knowledge, i.e. a doctrine and its structure. It is the structural elements of political doctrine that are evaluated by researchers of ideas, who themselves are not always free in their expert activities. This aspect is also reflected in the paper.

The author summarizes: since the history of ideas is a history of struggle, competition in their evaluation is inevitable. It is possible to adhere to various philosophical views, but it is impossible to neglect the scientific validity of the teaching that is subject to evaluation. At the same time, this problem does not concern the doctrines that are being evaluated, but the personality of the evaluator of the doctrines, sometimes formed by the greatest thinkers.

Keywords: state; history; competition; evaluation; law; politics; doctrine; source; evaluation.

Cite as: Kornev AV. O nekotorykh problemakh otsenki istochnika v istorii politicheskikh i pravovykh ucheniy: konkurentsia razlichnykh podkhodov [On Some Issues of Source Assessment in the History of Political and Legal Doctrines: Competition of Different Approaches]. *Lex russica*. 2021;74(6):154-162. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.175.6.154-162. (In Russ., abstract in Eng.).

Политические и правовые учения создаются далеко не всеми. Образно можно сказать, что большинство людей просто живут своей жизнью, решая какие-то свои повседневные проблемы. И только. Однако есть и другие. Представляется, что политические и правовые учения формируются в силу двух основных факторов. С одной стороны, у некоторых людей возникает потребность осмыслить происходящее. У других, кроме этого, имеются способности отражать прошлое, настоящее и будущее в теориях, концепциях, взглядах. Далеко не каждый обладает способностью мыслить критически и глубоко. И уж тем более создавать творения, что называется, на века.

История порой запечатлевается в силу привычки, обыденности, традиционного уклада жизни. К примеру, в древности около каждого великого правителя были специально обученные люди, которые формировали его «бессмертие». В Средние века при королях были храни-

сты, которые фиксировали буквально каждый день их жизни. И неудивительно, поскольку король уподоблялся нередко самому Богу. Разумеется, всех интересовал вопрос, как их будут оценивать после того, как они оставят этот мир. Как образно выразился С. Довлатов: «Все интересует, что там будет после смерти? После смерти начинается — история»³.

Для понимания эпохи правления Александра I («Дней Александровых прекрасное начало» — А. С. Пушкин) много что дает труд придворного историографа Шильдера «Император Александр I, его жизнь и царствование». И тем не менее внезапная смерть 47-летнего императора в Таганроге вызывает множество вопросов. До сих пор живет легенда о том, что похоронили другого человека, а император якобы предпочел частную жизнь под именем старца Фёдора Кузьмича, доживавшего в Томске. А ведь при дворе рождались политические идеи противоположного направле-

² The reported study was funded by RFBR according to the research project № 20-011-00779.

³ Довлатов С. Соло на ундервуде. Соло на IBM. СПб., 2006. С. 243.

ния — «либерала» М. М. Сперанского и «консерватора» Н. М. Карамзина. Именно он по «заказу» Романовых сотворил демонический образ величайшего государственного деятеля, строителя империи И. Грозного. Романовы явно комплексовали перед Рюриковичами. И здесь в который раз возникает проблема *оценки* как личности самого царя, так и его политических и правовых идей, выраженных, в частности, в переписке с беглецом А. Курбским, верно служившим полякам, злейшим врагам России.

И эта традиция никуда не ушла. У политиков имеется целый штат советников, секретарей, помощников, стенографистов. Великие поэты и писатели имели своих литературных секретарей. Меняются только формы фиксации мыслей великих мира сего: камень, шкура, папирус, бумага (спасибо большое китайцам). Теперь вот мы активно используем цифровые возможности выражения социально значимой информации. А цель всегда была одна и та же — зафиксировать нетривиальные идеи «властителей» дум и передать их в назидание потомкам. Правда, в истории было много и тех, кто создавал свои идеи сам.

Одним словом, все, кто изучают историю политических и правовых учений, непременно обращаются к источникам, то есть к тому носителю, в котором содержатся политические и правовые идеи.

Во все времена имеет место проблема оценки источника. Историография истории политических и правовых учений не может игнорировать *источник*. Именно он и свидетельствует о том, как изучались государство и право, а точнее, теоретические представления о них. В этой связи интерпретация, оценка источников фактически формирует их восприятие.

Но здесь как раз возникает серьезный вопрос: источник формирует наши знания о предмете или мы, его изучающие, читаем его и оцениваем так, как нам хотелось бы? Каждому творческому человеку известна странная на первый взгляд метаморфоза: сначала ты создаешь текст, как бы поигрывая с ним, а затем он начинает оказывать обратное влияние на своего творца. Таким образом, мы можем констатировать довольно любопытный факт обоюдного влияния друг на друга носителя информации и того, кто к нему обращается.

В этом контексте очень интересную мысль высказала историк и радиоведущая Наталия Басовская: «...с философской точки зрения исторический источник бездонен, ибо его глуби-

на и познавательная сила зависят от вопросов, *которые мы ему задаем* (выделено мной. — А. К.). Одна эпоха спрашивает об одном — другая совершенно о другом. Как правило, каждое время ищет в личностях прошлого какие-то аналогии, ассоциации, ответы на волнующие сегодня вопросы»⁴.

Если бы такая мысль была произнесена при общении с «живой» аудиторией, то она вызвала бы положительные реакции у понимающей публики в виде аплодисментов. Вне всякого сомнения.

У нас редко кто пытается ответить на вопрос, почему со временем вчерашние герои превращаются в злодеев, а идеи, некогда считавшиеся непогрешимыми, — в утопии, объекты критики, а иногда и откровенной иронии. Равно как и наоборот.

В данном контексте непременно возникает проблема оценки источника. Для историографии истории политических и правовых учений значение источника трудно переоценить. Хотя основной вопрос историографии заключается в том, как изучалась история политической мысли, источник играет наиважнейшую роль в ответе на него. Хочется думать, что источник дает исчерпывающую информации о предмете изучения — государства и права. Разумеется, и о других институтах, с ними тесно связанных. Например, трудно раскрывать природу государства без обращения к такой категории, как власть. Или невозможно уяснить процесс зарождения права в раннеземельных цивилизациях (протогосударствах) без анализа процессов разделения труда, формирования социальных классов, а также института собственности. Право появляется именно тогда, когда человек стал создавать продукт, сообщая ему свойство стоимости. По отношению к товару (продукту) он становился владельцем, то есть субъектом права. В силу этого оценивать роль права в жизни общества без связи с экономическими факторами попросту невозможно. Это понимаем мы, кто изучает историю политической и правовой мысли. Точно так же, только, видимо, еще глубже, проникали в процесс создания права и государства творцы политических учений.

Следует иметь в виду более широкий охват проблем, когда мы говорим о политических учениях. Как правило, правовые взгляды того или иного мыслителя являются частью его мировоззрения. А если быть более точным, то они являются составным элементом его политических убеждений. Политика всегда имеет

⁴ Басовская Н. Великие мужчины. Боги. Злодеи. Ученые. М., 2019. С. 184.

место тогда, когда какая-то проблема затрагивает интересы большой массы людей. В этой связи «политическим» может стать любой вопрос. К примеру, явные успехи России в области создания вакцин против коронавируса многие представители истеблишмента в западном мире уже именовали фактором политического влияния российской власти на мировой, и уж тем более европейский, политический процесс. Да, это недалеко от истины, если быть объективным. Мы сами дали повод, назвав первую полученную вакцину «Спутник». В этом явный намек на эпохальное событие 1957 г. — запуск первого искусственного спутника земли в истории человечества. СССР стал осваивать космическое пространство раньше других. В этом году исполнится 60 лет полету человека в космос. И опять это событие свидетельствует об огромном потенциале советского социалистического проекта, возможностей нашей страны, ее руководства, ученых, инженеров, рабочих. Одним словом, «политика» может объективироваться в любых проблемах, вовсе не связанных напрямую с деятельностью власти.

Оценивая те или иные источники в истории политических и правовых учений, следует помнить о том, что право, как и государство, всегда было в фокусе борьбы между различными политическими силами. Если быть совсем точным, то ведущие политические партии в той или иной стране в тот или иной исторический период всегда вели борьбу за то, чтобы завоевать государство, власть и уже затем диктовать свою волю в виде законов всем остальным. В прежние времена в качестве иллюстрации данной точки зрения любой советский автор, не задумываясь, прибегнул бы к обильному цитированию К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина. Разумеется, к речам генеральных секретарей ЦК КПСС, программам Коммунистической партии. И был бы абсолютно прав. В последнее время набирает популярность следующий афоризм: «То, что ввали в советских газетах о капитализме, оказалось сущей правдой». Для этого прозрения понадобилось 30 лет, проведенных в объятиях российского капитализма.

Для того чтобы выдержать некоторую нейтральность в предварительных оценках, есть смысл обратиться к «буржуазному» профессору Рудольфу фон Иерингу. По его мнению, «жизнь права есть борьба, борьба народов, государственной власти, сословий, индивидуумов»⁵.

Политические и правовые идеи формировались в результате этой борьбы. В каком-то смысле мы можем констатировать идеи и как результат политической борьбы, и как инструмент политического противостояния. «Идеи правят миром». Эту мысль разделяли очень многие. Особенно во Франции, которая дала миру Великую французскую революцию, повлиявшую на дальнейший ход мировой истории. Почти все французские просветители и энциклопедисты, Наполеон Бонапарт, О. Конт были убеждены в первичности идей по отношению к социальным практикам.

В этой связи представляет интерес и философская позиция И. Канта. Один из основоположников немецкой классической философии считал, что реальность сама по себе не дана нам в опыте. Мы воспринимаем ее через категории наших субъективных идей и представлений. В том числе о времени и пространстве.

Кто знает, может быть, борьба, соперничество изначально заложены в природе человека. Сегодня такая точка зрения явно не в моде. В обществе активно обсуждаются вопросы, связанные с такими проблемами, как сотрудничество и солидарность. Да, действительно, это имеет место. Да и в истории политических и правовых учений были мыслители, которые этим вопросам уделяли большое внимание. Например, французский юрист Л. Дюги. К этой теме обращался и П. И. Новгородцев. Он возводил «право на достойное существование» в разряд первостепенных и при этом сетовал, что такого права нет ни в одной конституции, ни в одной декларации.

Но опять-таки, проблема солидарности порождена борьбой, которая приводит к социальной напряженности. Сейчас уже позабыли лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». А против кого объединяться? Разумеется, против национальной и международной буржуазии.

Социальная и биологическая природа человека не меняется. Стало быть, политико-правовая действительность подпитывается теми же факторами, что и много веков тому назад. В одном из своих писем Гераклит Эфесский пишет: «Сколько ни есть людей на земле, истины и справедливости они чуждаются, а прилежат в дурном неразумии своем к алчности и тщеславию»⁶. Закономерно, что один из постулатов его философии объективирован в следующем

⁵ Иеринг Р. фон. Борьба за право. М., 1991. С. 5.

⁶ Лаэртский Диоген. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1986. С. 336.

изречении: «Война — отец всех вещей, отец всего»⁷. Можно заменить слово «война» на более нейтральное, например «борьба». Можно даже говорить о противоречиях и разногласиях. Наконец, о конфликтах. Но суть от этого не меняется.

Очень многое зависит от того, как мы представляем себе эволюцию, историю. Принято считать, что для К. Маркса, например, история представляет собой последовательную смену общественно-экономических формаций в результате социальных революций. Каждая из формаций порождает антагонистические классы (рабы — рабовладельцы; феодалы — крестьяне; буржуазия — рабочие), которые находятся в состоянии непримиримой вражды друг с другом.

Во всяком случае, так нас учили раньше. Хотя советскому студенту приходилось много конспектировать работы классиков, поскольку без этого не могло быть и речи о допуске к зачету или экзамену, вряд ли можно говорить, что студент имел цельное представление об учении Маркса.

История как поступательное движение от одной стадии к другой скорее характерна для философии Просвещения. Эта целостность истории получила наименование Прогресс.

Т. Иглтон, современный неомарксист, не считает теорию истории К. Маркса телеологической. По его мнению, в историческом процессе нет стадий, которые существовали бы ради других. Следовательно, «для Маркса история не является движением в каком-то заданном направлении»⁸.

Есть все основания полагать, что история институтов (государства и права, в частности) и история идей вместе составляют историю как таковую. Если история изобилует борьбой различных политических классов за обладание государством, то она никак не может обходиться без идей.

В контексте оценки источников политических и правовых учений заслуживает внимания точка зрения Р. Коллинза, профессора социологии Калифорнийского университета: «...социальные классы склонны видеть мир особым образом. Идеи отражают их экономические интересы (выделено мной. — А. К.), а также социальные условия, сопряженные с этими интересами. В качестве идеологии идеи служат двум целям: они служат орудиями само-

возвышения и орудиями сокрытия собственных интересов в идеальной форме, что вызывает почтительное к ним отношение. Аристократия феодальной эпохи, например, культивировала идеи чести и верности. Это отражало их позицию воинов и также косвенно подтверждало их наследственные притязания на землю и их право на смиренную покорность их крепостных крестьян... Таким же образом буржуазия выступила с новым комплексом идеалов: свободой, равенством, “вечными правами человека”. За этим абстрактным универсализмом — за революционными речами против наследственной аристократии, провозглашающих достоинства коммерции, за разговорами о необходимости работы для жизни и о социальном подъеме за счет собственного богатства — скрывался классовый смысл. Но одновременно эта идеология возвышала универсальные правила денег, которые не знают родословной, спускала с пьедестала аристократию и пыталась удержать рабочих на своем месте, утверждая абстрактное равенство и умалчивая о том, что соревнование на рынке работает против рабочих»⁹.

Именно потому, что идеи, особенно политико-правовые идеи, включены в арсенал средств борьбы между политическими оппонентами, оценивать их довольно трудно. Ведь в любой борьбе есть победители и проигравшие. Конечно, дело иногда заканчивается компромиссом. Но как показывает история, компромисс — явление недолговечное. Достижение компромисса говорит только о том, что ни у одной из сторон пока нет достаточно сил, чтобы одержать победу над своим политическим противником. Как только их будет достаточно, компромисс отбрасывается за ненадобностью. Такова логика политической борьбы. Это надо понимать. К сожалению, в юридической науке господствует мнение, что политика должна быть подчинена праву. Видимо, должна. Однако пока этого не случилось. Если смотреть на действительность объективно, то приходится признать за правом роль просто инструмента определенной политики. Известно мнение В. И. Ленина о том, что закон есть мера политическая, есть политика. Пока его никому не удалось опровергнуть. Лестно думать, что строительство правового государства наконец-то поставит политику в подчинение праву. По всей видимости, этого никогда не произойдет. Мы привыкли думать, что политика подчиняется эконо-

⁷ Цит. по: Таранов П. С. 106 философов. Жизнь. Учение. Судьба. Симферополь, 1995. С. 125.

⁸ Иглтон Т. Почему Маркс был прав. М., 2017. С. 77.

⁹ Коллинз Р. Четыре социологические традиции. М., 2009. С. 81.

мическим интересам. Это одновременно верно и неверно. Политика санкций в отношении России продиктована политическими соображениями. Но в то же время и экономическими. Европейцев хотят заставить покупать дорогой американский сжиженный газ. Попутно наши американские «партнеры» решают свои экономические интересы, то есть хотят зарабатывать, но не забывают о политических резонах. Они очень противятся энергетической зависимости Европы от России. Так было и в 70-гг. прошлого века, когда прокладывался газопровод. Тогда позиция ФРГ во главе с В. Брандтом была принципиальной. И сегодня только Германия сопротивляется американскому давлению. Все другие уже давно смирились с участием политических карликов и никакой самостоятельности проявить не могут и не желают. Одним словом, в любой доктрине сокрыты чьи-то интересы. «Кому выгодно?» — так спрашивали древние. Ответив на этот вопрос, мы имеем возможность объективно оценить политико-правовое учение.

Политические и правовые идеи объективировались в некоторых формах (источниках). Юристы более привыкли иметь дело с источниками (формами) права. В ряде случаев они могут совпадать, но по общему правилу это разные правовые категории. По мнению М. Н. Марченко, «...форма права может быть определена как способ (прием, средство) внутренней организации и внешнего выражения права, а точнее — выражения содержащихся в нормах права правил поведения»¹⁰.

Следует согласиться и с тем, что нельзя не учитывать исторический аспект процесса формирования и развития представлений об источниках и формах права, которые по мере эволюции государства и права вместе с самими источниками постоянно изменяются, развиваются и совершенствуются¹¹.

Это соображение можно отнести и на счет источников политических и правовых учений. Фактически с самого своего возникновения право и государство стали объектом теоретического анализа. Формы этого анализа фактически отражали эволюцию познавательной деятельности человека — от мифов до рождения собственно научных подходов к проблемам сущности государства и права.

В отличие от общей теории права и государства, отраслевых юридических дисциплин,

в истории политических и правовых учений категория «источник» не получила общепризнанного научного значения и, соответственно, широкого употребления. Она является исторической дисциплиной, но не имеет всех особенностей, свойственных «классической» истории. Да и, собственно говоря, проблемами историографии в рамках этой научной и учебной дисциплины особенно никто специально не занимался.

В силу этих причин источниками применительно к истории политических и правовых учений мы будем именовать школы, направления, течения, теории, учения, взгляды, идеи. Иными словами, все те формы (в данном случае источники), которые содержат попытки научного анализа природы государственно-правовых институтов.

Учение — первичный феномен историко-философского процесса. Развитие или модификация какого-либо учения в работах исследователей означает формирование школы, а совокупность различных модификаций одного и того же учения, развиваемого разными школами, образует течение. Направление представляет собой совокупность течений (а следовательно, и учений), которые при всех своих расхождениях друг с другом разделяют некоторые общие, имеющие принципиальное значение положения, основные идеи¹².

Конечно, между ними есть существенная разница. К примеру, взгляды или идеи в большей степени персонифицированы. То есть их формировал и развивал, как правило, отдельный мыслитель. Таких в истории политических и правовых учений немало. При всем желании, И. Канта и Г. В. Ф. Гегеля трудно причислить к какой-нибудь школе (направлению, течению, теории). Условно, конечно, можно. Но их индивидуальное значение, авторитет столь велики, что можно вполне обоснованно говорить об их индивидуальном учении.

Осознавая некоторую условность, можно квалифицировать «учение» в качестве основного источника применительно к истории политических и правовых учений. Предмет данной науки — история возникновения и развитие теоретического знания о праве и государстве, других тесно связанных с ними институтах, таких как политика, собственность, законодательство. Само учение в литературе обычно квалифицируют как теоретический аспект исто-

¹⁰ Марченко М. Н. Источники права. М., 2005. С. 40.

¹¹ Марченко М. Н. Указ. соч. С. 4.

¹² История политических и правовых учений / отв. ред. В. В. Лазарев. М., 2008. С. 21.

рически формирующегося и развивающегося знания, те теоретические концепции, идеи, положения и конструкции, в которых находит свое концентрированное логико-понятийное выражение исторический процесс углубления познания политических и правовых явлений¹³.

Еще раз подчеркнем, что источником в истории политических и правовых учений можно признать различные формы теоретического знания. Так или иначе, мы выходим на такую категорию, как теория. Иногда в литературе делают различие между политической теорией и политической доктриной. Это деление, как и всякое другое, весьма условное. Тем не менее между ними все-таки есть различия. Теория представляет собой одну из форм научного знания, в рамках которой раскрываются связи между различными явлениями, фактами. Причем эту связь, взаимообусловленность можно проверить эмпирически. Если этого сделать нельзя, то называть это теорией с чисто научной точки зрения нельзя. Доктрина же представляет собой некую совокупность суждений, порой оценочных, не обязательно находящихся в причинно-следственной связи. В силу этого использование слова «теория» ко многому обязывает. Не все авторы, особенно современные, придерживаются этого правила.

Что касается собственно оценки источника в истории политических и правовых учений, то в настоящее время формируется новое научное направление, которое получило название *эпистемология*. По сути, она занимается проблемами оценки научных теорий с точки зрения их состоятельности.

Юридическая наука отличается от иных наук, прежде всего естественных, тем, что она объясняет суть явлений политико-правового характера через причину, а не через научный закон. В этой связи юридические науки можно квалифицировать в качестве каузальных. Поэтому мы наблюдаем чрезвычайно широкий разброс мнений по одному и тому же предмету теоретического анализа. Для кого-то современное государство — институт, который решает социальные проблемы и стремится к достижению социального компромисса. А кто-то по-прежнему считает его инструментом, позволяющим обеспечивать политическое господство какого-то класса или классов. В этих условиях давать оценки крайне сложно. То же самое можно сказать и в отношении права. Некоторым авторам оно представляется олицетворением свободы.

Иные видят в нем волю властей предрержащих. И что особенно важно, точки зрения могут быть прямо противоположными, но каждая опирается на свою аргументацию.

Итак, подвергается оценке учение как наиболее общая форма выражения теоретического знания о сущности государственно-правовых институтов.

В каждом развернутом учении исследователь *оценивает: содержательную часть*, в которой дается решение того или иного вопроса (о происхождении государства и права и пр.); *форму изложения* (монография, политический памфлет, законопроект и т.п.); *методологическую* (мировоззренческую) часть (религиозную, светскую, материалистическую или идеалистическую и пр.); *программно-оценочную часть*, содержащую оценки и выводы (рекомендации) на перспективу¹⁴.

Структура научной теории — одна, структура политико-правовой теории (учения) — другая. Строго говоря, эти четыре компонента учения и подлежат оценке.

Принципиальным вопросом оценки источника в истории политических и правовых учений является то, что источник, пусть и в виде учения, оценивается не с точки зрения научной состоятельности, хотя не исключается и этот аспект, а с содержательной, формальной (в смысле формы изложения), методологической и программно-оценочной составляющей.

История политических и правовых учений по большому счету представляет собой *конкуренцию* различных теоретических проектов. По своей сути, идеи в какой-то степени похожи друг на друга. Чем они действительно отличаются, так это методами достижения тех целей, которые заложены в идеях (учениях). В этом смысле она и порождает конкуренцию оценок. И оснований для этой конкуренции более чем достаточно.

В истории нередко делят периоды на «до» и «после». К примеру, таким водоразделом в освещении истории политических и правовых учений советского периода явилось формирование в 40-х гг. XIX в. марксистского политического и правового учения. Как писал Э. Л. Розин, «создание марксистской теории означало революционный переворот в учении о государстве и праве. Сущность этого переворота состоит прежде всего в диалектико-материалистическом понимании государства и права, т.е. в четком осознании того, что их базисом

¹³ История политических и правовых учений. Древний мир / отв. ред. В. С. Нерсесянц. М., 1985. С. 13.

¹⁴ История политических и правовых учений / отв. ред. В. В. Лазарев. С. 19.

является совокупность господствующих в классовом обществе производственных отношений, в уяснении механизма взаимодействия базиса и государственно-правовой надстройки»¹⁵.

Впоследствии Э. Л. Розин пересмотрел, осуществил переоценку своих взглядов. По сути, отказался от прежних своих работ. Однако время дает единственно верную оценку. Лично для меня К. Маркс совместно со своим соавтором и другом Ф. Энгельсом в этом смысле по-прежнему являются самыми большими авторитетами. Что интересно: критикуют их наиболее рьяно как раз те, кто служил, а вернее, прислуживал, советскому строю. Молодые исследователи в этом смысле народ невежественный поневоле. Учение прошло мимо них. Они в этом не виноваты. Иными словами, ранее то, что было до возникновения учения К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, объявлялось ненаучным, спекулятивным, необъективным. И надо сказать, что большая доля правды здесь есть.

Оценивают источники политических и правовых учений и с точки зрения подходов. Если рассматривать право и государство с позиции историко-материалистического взгляда, то их оценки будут сильно отличаться от тех, которые сформировались под влиянием идеалистического подхода.

Вообще, конкуренция в оценках источников, помимо вышеуказанных, продуцируется различными основаниями. Например, методологическими, мировоззренческими, политическими, личностными, временными. И это далеко не все основания. Религиозный мыслитель и светский совершенно по-разному оценивают государство, власть, право.

Далее, одни учения создавались исключительно учеными, условно — теоретиками, а другие — практиками. Отсюда вытекает проблема реализации тех положений, которые составляют суть учения. Не секрет, что теоретикам свойственна некоторая оторванность от реальности.

На оценку учения влияет идеологическая ориентация того или иного мыслителя. Общеизвестно, что идеологические пристрастия, неважно — подлинные или мнимые, оказывают серьезное воздействие на содержание учения. Особенно сегодня. После «объединения» ГДР и ФРГ вся профессура в восточных землях была тщательно вычищена. Ибо формировать мировоззрение молодежи должны преданные и на-

дежные люди. О какой свободе преподавания можно вести речь? Любой непредвзятый человек скажет, что в западных высших учебных заведениях лютует такая цензура, которая авторитарным режимам просто не снилась. Трижды прав В. И. Ленин: «...история идей есть история смены и, следовательно, борьбы идей»¹⁶.

Одни мыслители были гностиками, а другие — агностиками. Влияет это обстоятельство на оценку учения? Разумеется, да.

Некоторые теории развивались в рамках одной национальной культуры, специфических политических и правовых традиций, другие ориентировались на общечеловеческий подход, при всей его неубедительности.

Определенная группа исследователей опиралась на формационный подход, а другие на цивилизационный. И они иначе формировали свои учения.

Можно привести много примеров, когда творцы учений больше полагались на свои собственные ощущения, нежели на объективные обстоятельства.

К примеру, глубочайший знаток римской цивилизации Роберт Виппер дает взвешенную оценку работе Полибия «История в сорока книгах», в которой он пытается выяснить причину успешного продвижения римлян к господству над Средиземноморским пространством. Р. Виппер отмечает убежденность Полибия в том, что историю не следует изучать по книгам, а надо полагаться на личные переживания. Поэтому вместо того, чтобы объяснять, он загромождает основные факты радужным сиянием: точно какой-то гений-художник или сам Бог сложил здесь из элементов общечеловеческого совершеннейшее произведение искусства, в котором нельзя ничего не убавить, ни прибавить. А в итоге: «Полибий совершенно не замечал элементов розни, противоположности интересов в римском и итальянском обществе; реалист по убеждению, он увлекся идеологией и забыл, что государство — не дар богов, а комбинация сложных колеблющихся отношений»¹⁷.

Коль скоро история идей есть история борьбы, то конкуренция в их оценке неизбежна. В самом начале приведена цитата Н. Басовской, в которой главная мысль выражена словами «Какой вопрос источнику мы задаем?». Совершенно очевидно, что задающий, формулируя вопрос, уже «про себя» получил тот ответ, который ему нужен. Можно быть кон-

¹⁵ История политических и правовых учений / под ред. В. С. Нерсисянца. М., 1988. С. 465.

¹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 112.

¹⁷ Виппер Р. Римская цивилизация. М., 2017. С. 9, 10.

серватором или либералом, гностиком или агностиком, националистом или интернационалистом, атеистом или верующим. Но нельзя пренебрегать научной состоятельностью того учения, которое мы оцениваем. Но это уже совсем другая проблема, касающаяся не учения,

подвергающегося оценке, а личности того, кто дерзнул быть экспертом учений, сформированных порой величайшими мыслителями. Вспоминается сакраментальное «А судьи кто?». Но, как принято говорить, это уже совсем другая история.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Басовская Н. Великие мужчины. Боги. Злодеи. Ученые. — М., 2019. — 416 с.
2. Виппер Р. Римская цивилизация. — М., 2017. — 416 с.
3. Довлатов С. Соло на ундервуде. Соло на IBM. — СПб., 2006. — 256 с.
4. Иглтон Т. Почему Маркс был прав. — М., 2017 — 288 с.
5. Коллинз Р. Четыре социологические традиции. — М., 2009. — 317 с.
6. Иеринг Р. фон. Борьба за право. — М., 1991. — 64 с.
7. Лаэртский Д. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. — М., 1986. — 571 с.
8. Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 25. — 648 с.
9. История политических и правовых учений. Древний мир / отв. ред. В. С. Нерсисянц. — М., 1985. — 349 с.
10. История политических и правовых учений / под ред. В. С. Нерсисянца. — М., 1988. — 816 с.
11. История политических и правовых учений / под ред. В. В. Лазарева. — М., 2008. — 917 с.
12. Марченко М. Н. Источники права. — М., 2005. — 760 с.
13. Таранов П. С. 106 философов. Жизнь. Учение. Судьба. — Симферополь, 1995. — 461 с.

Материал поступил в редакцию 12 апреля 2021 г.

REFERENCES

1. Basovskaya N. Velikie muzhchiny. Bogi. Zlodei. Uchenye [Great men. The Gods. Villains. Scholars]. Moscow; 2019. (In Russ.).
2. Wipper R. Rimskaya tsivilizatsiya [Roman civilization]. Moscow; 2017. (In Russ.).
3. Dovlatov S. Solo na undervude. Solo na IBM [Solo on the Underwood. Solo on the IBM]. St. Petersburg; 2006. (In Russ.).
4. Eagleton T. Pochemu Marks byl prav [Why Marx was Right]. Moscow; 2017. (In Russ.).
5. Collins R. Chetyre sotsiologicheskie traditsii [Four sociological traditions]. Moscow; 2009. (In Russ.).
6. Iering R. von. Borba za pravo [The struggle for the right]. Moscow; 1991. (In Russ.).
7. Laertskiy D. O zhizni, ucheniyakh i izrecheniyakh znamenituykh filosofov [About the life, doctrines and sayings of famous philosophers]. Moscow; 1986. (In Russ.).
8. Lenin VI. Poln. sobr. soch. [Complete works]. Vol. 25. (In Russ.).
9. Nersesyants VS, editor. Istoriya politicheskikh i pravovykh ucheniy. Drevniy mir [History of political and legal doctrines. The ancient world]. Moscow; 1985. (In Russ.).
10. Nersesyants VS, editor. Istoriya politicheskikh i pravovykh ucheniy [History of political and legal doctrines]. Moscow; 1988. (In Russ.).
11. Lazarev VV, editor. Istoriya politicheskikh i pravovykh ucheniy [History of political and legal doctrines]. Moscow; 2008. (In Russ.).
12. Marchenko MN. Istochniki prava [Sources of law]. Moscow; 2005. (In Russ.).
13. Taranov PS. 106 filosofov. Zhizn. Uchenie. Sudba [106 philosophers. Life. Teaching. Fate]. Simferopol; 1995. (In Russ.).